

Предисловие «Полки»

*Безжалостно написанная хроника распада
и гибели дворянской семьи. Одна из самых
беспросветных книг — и в творчестве
Салтыкова-Щедрина, и в истории русской
литературы.*

Игорь Кириенков

История угасания и смерти зажиточного дворянского рода — в лице властной помещицы Арины Петровны Головлевой, ее мужа, детей и внуков. Роман о вырождении, одиночестве и насилии — прежде всего психологическом. Современники увидели в «Господах Головлевых» беспощадное описание России накануне и после отмены крепостного права; потомки могут прочесть книгу как пугающе точный текст о дисфункциональной семье, токсичных отношениях и депрессии.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Салтыков-Щедрин работал над «Головлевыми» с осени 1875-го до весны 1880 года. Впервые главные герои будущей книги появились в рассказе «Семейный суд», опубликованном в цикле сатирических очерков «Благонамеренные речи». Автор был не слишком доволен текстом — в письме Некрасову он сокрушался: «Кажется, что неуклюж и кропотливо сделан. Свободного, легкого творчества нет».

Высокая оценка, которую дали «Суду» критики и корреспонденты Салтыкова-Щедрина, если не изменила его мнения, то по крайней мере побудила писать дальше. В конечном счете рассказы о Головлевых совершенно отделились от «Речей» («...Нужно было бы печатать их под особой рубрикой: “Эпизоды из истории одного семейства”», — писал автор) и — после основательных правок и переделок — стали главами романа «Господа Головлевы».

Салтыков-Щедрин называл «Господ Головлевых» «общественным романом». Это определение можно трактовать двояко. С одной стороны, оно предполагает внимание к актуальным социальным проблемам и обличение современного писателю общества: «На принцип семейственности написаны мною “Головлевы”», — объяснял Салтыков-Щедрин адвокату и публицисту Евгению Утину 2 января 1881 года. С другой — эта форма позволяет писателю соединить беллетристику и публицистику, напряженный сюжет и дидактические отступления, психологизм и проповедь.

На протяжении всего романа основное повествование перемежается авторскими замечаниями, наблюдениями и уточнениями. Регулярно нарушая герметичность рассказа, Салтыков-Щедрин снабжает текст обобщающими пассажами и тем самым указывает на типичность Головлевых — вспыльчивой и жестокой скопидомки Арины Петровны и ее детей: беспутного сына Степана, лицемера Порфирия, неспособного на поступки Павла и дочери Анны, которая против воли матери обвенчалась с уланом, родила близняшек Анниньку и Любиньку, потратила полученный от Арины Петровны капитал и после исчезновения мужа скончалась. Все это позволяет читать книгу и как вариацию общественно-политического романа второй половины XIX века, и как своеобразную версию высокого реализма Тургенева, Гончарова и Толстого — только более трансгрессивную и жестокую по отношению к действующим лицам.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Отмена крепостного права в 1861 году — и формирование совершенно новых экономических и психологических отношений между дворянами и крестьянами. Полемика о кризисе семьи, которая развернулась в российской прессе и беллетристике в 1870-е годы — от статей в консервативном «Русском мире», устанавливающих прямую связь между «силой и крепостью семейного союза» и стабильностью государства, до «Анны Карениной», которая проблематизировала светский брак. Современная западная проза, посвященная той же теме: как раз в эти годы во Франции выходит многотомная сага Эмиля Золя «Ругон—Маккары», а «Вестник Европы» публикует русский перевод его «Парижских писем», в которых писатель размышляет об экономическом расчете, лежащем в основании современной семьи. Более ранние произведения самого Салтыкова-Щедрина — в частности, заглавная героиня очерка «Госпожа Падейкова» (1859), переживавшая, что после крестьянской реформы ее крепостная Феклуша «с барыней за одним столом будет сидеть», очень напоминает Арину Головлеву, которая в канун манифеста Александра II предается таким же размышлениям: «Как это я Агашку звать буду? чай, Агафьюшкой... а может, и Агафьей Федоровной величать придется!»

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Большая часть рассказов, которые составили роман, была опубликована в «Отечественных записках» в 1875–1876 годах, развязка — «Решение» — в мае 1880-го

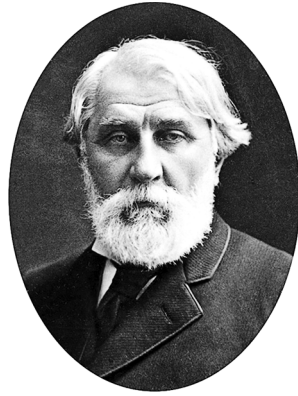
в том же журнале. Готовя первое книжное издание, Салтыков-Щедрин значительно их переработал, изменил некоторые названия (рассказ «Перед выморочностью» стал главой «Племяннушка», «Семейные радости» — «Недозволенными семейными радостями», «Решение» — «Расчетом»), уточнил мелкие детали (сумму, которую растратил первый сын Порфирия Владимировича Петенька; имя его второго ребенка, Володеньки), но сохранил, по-видимому случайно, одну хронологическую несуразность (в тексте сказано, что 53-летний Порфирий Владимирович, который 10 лет назад вышел в отставку, провел «в тусклой атмосфере департамента» более 30 лет). Отдельной книгой «Головлевы» вышли в июле 1880 года в издательстве Александра Суворина. Через три года автор подготовил вторую редакцию романа — с небольшими изменениями в главе «По-родственному» и общей стилистической правкой; именно эту версию и воспроизводят все последующие издания «Головлевых».

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

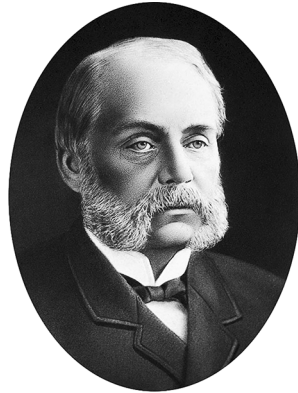
Салтыков-Щедрин стал получать восторженные отзывы сразу после выхода «Семейного суда». Тургенев особенно оценил образы Арины Петровны и Степана Владимировича и, вероятно, одним из первых натолкнул автора на мысль написать «крупный роман с группировкой характеров и событий, с руководящей мыслью и широким исполнением». Соредактор Некрасова и Салтыкова-Щедрина по «Отечественным запискам» Григорий Елисеев тоже похвалил рассказ, но признался, что

предпочитает «статьи, которые соприкасаются с вопросами и явлениями текущего времени». Критики «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Русского мира» увидели в истории Головлевых обращение к «временам покойного крепостного права» и вылазку «в область невозвратно прошедшего времени» и интерпретировали новую вещь Салтыкова-Щедрина как отказ работать с современными проблемами. На анахроничность сюжета для литературы середины 1870-х указывал и публицист-народник Александр Скабичевский: «Это бытовая повесть и, если хотите, историческая, потому что рисует нам нравы отжившего прошлого».

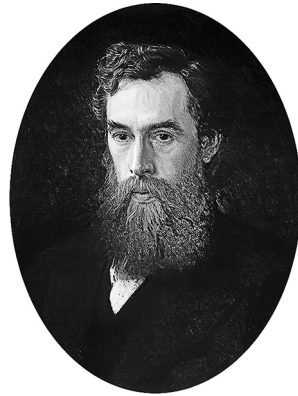
Примечательно, что никто из рецензентов даже не сомневался в продолжении. Печатные отзывы на цикл о Головлевых выходили после каждого нового рассказа; автор продолжал получать письма от знакомых. Прочитав в сентябре 1876 года «Выморочного», поэт Алексей Жемчужников отметил в фигуре Порфирия Владимировича (или Иудушки, как прозвали его в семье) сочетание «почти смехотворного комизма с глубоким трагизмом». Гончаров, со своей стороны, предположил, что в конце концов этот персонаж «потеряет все нажитое, перейдет в курную избу и умрет на навозной куче». Тот же Скабичевский проводил параллели между Салтыковым-Щедриным и великими сатириками прошлого — Рабле, Мольером, Свифтом, Грибоедовым и Гоголем; другие авторы больше внимания уделяли героям и приветствовали появление Иудушки в галерее «вполне русских культурных типов» наравне с Ноздревым и Плюшкиным. Историю Головлевых читали не только литераторы, но и другие представители

Иван Тургенев

Иван Гончаров

Иван Крамской. Портрет П. М. Третьякова

культурной элиты. Еще после публикации «Семейных итогов» 9 апреля 1876 года коллекционер Павел Третьяков написал художнику Ивану Крамскому о Салтыкове-Щедрине: «До настоящего времени я его считал только прекрасным сатириком и, даже замечая повторение одного и того же, некоторое время не все читал даже, теперь же после таких типов, как Иудушка и маменька, да и вообще — мастерского рассказа, я его ужасно высоко ставлю и вперед не пропущу ни одной статьи его».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Осенью 1880 года — через несколько месяцев после выхода книжного издания «Головлевых» — Николай Куликов поставил по книге спектакль в частном московском театре Анны Бренко*¹. Роль Иудушки исполнил Василий Андреев-Бурлак — один из самых ярких русских актеров последней трети XIX века. С тех пор щедринский роман неоднократно инсценировали: можно вспомнить постановки Евгения Весника и Николая Александровича (Малый театр, 1978-й), Льва Додина (МХАТ, 1984-й) и Кирилла Серебренникова (МХТ им. Чехова, 2005-й) и телеспектакль Юрия Малацкого (ЛенТВ, 1969-й).

«Головлевых» дважды экранизировали — в 1933 году (под названием «Иудушка Головлева», режиссер Александр Ивановский) и в 2010-м (постановщица Александра Ерофеева).

*¹ Анна Алексеевна Бренко (1848–1934) — русская и советская актриса, режиссер и драматург. В 1873 году дебютировала на сцене Малого театра. В 1880-м вместе с мужем Осипом Левенсоном открыла первый в Москве частный театр — Драматический театр А. А. Бренко в доме Малкиеля. В 1882 году Бренко и Левенсон закрыли театр из-за убытков.

Михаил Салтыков-Щедрин продолжил писать сказки и сочинил еще два романа — «Убежище Монрепо» и «Пошехонская старина». Он умер в 1889 году и был похоронен на Волковском кладбище рядом с Тургеневым.

В 1914 году, к 25-летию со дня смерти писателя, в «Русском богатстве» была опубликована глава «У пристани» — финал истории Головлевых, который был написан на рубеже 1876/77-го и не устроил Салтыкова-Щедрина.

Влияние «Господ Головлевых» на русскую литературу можно проследить вплоть до последних десятилетий. Такие знаковые тексты, как «Детство Темы» Николая Гарина-Михайловского (1892), «Мелкий бес» Федора Сологуба (1905), «Уездное» Евгения Замятина (1912), «Детство» Максима Горького (1913), «Елтышевы» Романа Сенчина (2009), написаны с учетом романа Салтыкова-Щедрина. При всей непохожести друг на друга они выдержаны в мрачных тонах и развивают темы и мотивы «Головлевых»: распад старого быта, насилие в семье, утрата смысла жизни.

ЭТО ЦЕЛЬНЫЙ РОМАН ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ОДНОЙ СЕМЬИ?

Структура «Господ Головлевых», в которой нет привычных глав или частей, а есть рассказы со своими собственными названиями, связана с особенностями написания и публикации книги.

Василий Максимов. Всё в прошлом. 1889 год

Выпуская «Семейный суд» и «По-родственному», автор еще не подозревал, что история Головлевых разрастется до размеров романа-хроники. Когда Салтыков-Щедрин решил соединить рассказы в единый текст, он сохранил за каждым из них не только заглавие, но и что-то вроде ведущей темы — и главных героев. Так, например, «Семейный суд» главным образом посвящен Степану Владимировичу и его попыткам вернуться в семью Головлевых. «Недозволенные семейные радости» — история беременности и родов экономки Евпраксеюшки, любовницы Порфирия Владимировича. «Расчет» в значительной степени повествует о том, как сложилась судьба Анниньки и Любиньки. Такое устройство книги позволяет читателю следить за конкретными сюжетами

и параллельно держать в уме историю целиком — роман кажется не столько дробным, сколько подробным.

НАСКОЛЬКО АВТОБИОГРАФИЧНЫ «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»?

Близко знавший Салтыкова-Щедрина врач Николай Белоголовый писал, что по этой книге можно составить довольно убедительное представление об отношениях внутри «дикой и нервной» семьи писателя. Как и у Головлевых, в доме Салтыковых было принято деление на «постылых» детей и «любимчиков». Исследователи считают мать автора Ольгу Михайловну прямым прототипом Арины Петровны: властная, нетерпимая к непослушанию женщина,

она вела дела примерно в том же стиле, что и героиня романа. В свою очередь, отец писателя Евграф Васильевич, по всей видимости, стал прообразом ни на что не влияющего Владимира Михайловича Головлева, а его набожность и ханжество достались Порфирию Владимировичу.

Еще один прототип этого героя — брат автора Дмитрий Евграфович, «злой демон» и любитель кляуз, с которым он несколько лет вел тяжбу о наследстве. По воспоминаниям Авдотьи Панаевой, Салтыков-Щедрин называл брата Иудушкой ещё в 1863 году. 13 ноября 1875 года в несохранившемся письме юристу Алексею Унковскому Салтыков-Щедрин прямо признался, что вывел Дмитрия Евграфовича в образе лицемера Порфирия Владимировича. Щедриноведы считают, что писатель также спародировал путаную, пустопорожнюю речь своего брата, когда сочинял тирады Иудушки.

ПОЧЕМУ ПОРФИРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА НАЗЫВАЮТ ИУДУШКОЙ?

«Иудушка», «кровопивушка» и «откровенный мальчик» — эти три прозвища еще в детстве дал Порфирию его старший брат Степан. Все дело в том, что с ранних лет он научился заискивать перед матерью и влиять на ее решения. Арина Петровна с подозрением относилась к своему среднему сыну: она подозревала, что за его наигранной кротостью и лаской может скрываться расчетливая натура, — и оказалась права.

Очень показательным, что героя называют именно Иудушкой: Порфирий — не антигерой Нового Завета, много

столетий будораживший умы писателей и художников, а всего лишь мелкий «пакостник, лгун и пустослов». Уменьшительный суффикс в его имени — это не только признак его ничтожности, но и продолжение речевой манеры этого персонажа, напоминание о нестерпимо умильном тоне, который принят у Головлевых, где подают «поросеночка», просят «овсец» и ездят на «могилку».

Когда в первых отзывах на книгу Иудушку стали сравнивать с мольеровским Тартюфом, автор решил объяснить перед читателями — и поместил в рассказ «Семейный итог» размышление о том, чем французские лицемеры отличаются от русских. По словам автора, первые врут сознательно, рассчитывая извлечь из этого выгоду и поддерживая таким образом существующую модель общества. У русских нет никакой модели, которую они были бы готовы защищать, — и оттого их (и, в частности, Иудушкино) «беспредметное лганье» способно возбудить доuku и омерзение».

ПОЧЕМУ В «ГОСПОДАХ ГОЛОВЛЕВЫХ» ТАК МНОГО МЕСТА УДЕЛЕНО РЕЛИГИИ?

На протяжении всего романа автор отмечает, как приторная набожность Головлевых сочетается с бесчеловечными поступками: религия, которая должна смирять гнев, становится чуть ли не обоснованием для жестокости. Арина Петровна отказывается пускать на порог сына и кормить его, утверждая: «И люди меня за это не осудят, и Бог не накажет». В свою очередь, Порфирий Владимирович ходит на все службы, постоянно цитирует

Евангелие и не дает нуждающемуся сыну денег, напоминая, что «у Иова, мой друг, Бог и все взял, да он не роптал». Когда Евпраксеюшка мучительно рождает, Иудушка сначала отказывается прервать молитву, а после приказывает: «Пошлете за бабушкой, вместе помолитесь, лампадочки у образов засветите... а после мы с бабушкой чайку попьем!»

Порфирий Владимирович уверен — окружив себя иконами и бездумно исполняя все обряды, он автоматически обрел небесных заступников: «А чего мне страшиться? видишь, сколько у меня благодати кругом?» Салтыков-Щедрин доходит до затаенных причин головлевской религиозности, не имеющих никакого отношения к вере и благочестию: Иудушка «молился не потому, что любил Бога и надеялся посредством молитвы войти в общение с Ним, а потому, что боялся черта и надеялся, что Бог избавит его от лукавого». Эта ложь и разрушает героя: в финальной главе он оказывается в одиночестве. Понимание истинного смысла таинств и центрального христианского сюжета — «неслыханная неправда, совершившая кровавый суд над Истиной» — постигает Порфирия Владимировича только на последней неделе жизни, когда будет уже слишком поздно.

КАК САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН СОЗДАЕТ ТАКУЮ БЕСПРОСВЕТНУЮ АТМОСФЕРУ?

«Господа Головлевы» особенно убедительны в том, что касается пограничных состояний человеческой психики: автор выпукло описывает одичание, утрату

интереса к жизни и тягу к саморазрушению — и способен заразить этими настроениями читателя. Салтыков-Щедрин добивается этого несколькими способами. Прежде всего он часто употребляет слова «смерть», «гибель» и их производные: они встречаются в тексте по меньшей мере сто раз. Во-вторых, на близость смерти намекает сам вид поместья Головлевых (оно напоминает Степану Владимировичу гроб) и погода (в последней главе романа писатель сравнивает снежный покров с саваном — белым одеянием, которым накрывают покойников). В-третьих, в романе есть несколько пугающих галлюцинаций: «зловеще-лучезарная» бесконечная пустота, преследующая Степана Владимировича, рой теней, окружающий Павла Владимировича, серые призраки головлевского рода, которых видит Порфирий Владимирович незадолго до финала. Наконец, особенно мощный эффект производит структура глав. Как правило, история разворачивается от конца к началу: самый яркий пример — «Расчет», в котором Аннинька сначала приезжает «умирать» к дяде в Головлево, а уже потом мы узнаём, почему она не смогла добиться успеха в театре. Читатель все время догоняет героев во времени и пространстве, попутно ловя себя на мысли о том, что их жизненный крах был неизбежен.

ЕСТЬ ЛИ В КНИГЕ СИМПАТИЧНЫЕ АВТОРУ ГЕРОИ?

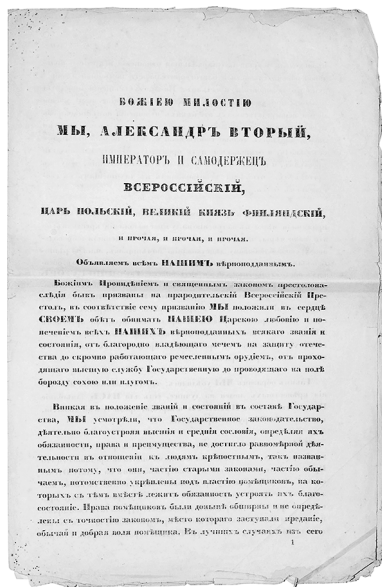
«Господа Головлевы» — роман о дурной бесконечности насилия, в котором жертвы не могут оправиться от полученных в детстве психологических травм

и постепенно опускаются — или сами становятся мучителями. Прослеживая судьбы детей и внуков Арины Головлевой, Салтыков-Щедрин отмечает их неспособность построить карьеру — будь то бюрократическая (Степан Владимирович) или актерская (дочери покойной Анны Владимировны Любинька и Аннинька, которые становятся содержанками вороватого земского деятеля Люлькина и нечистого на руку купца Кукишева). Писатель также отмечает их тягу к саморазрушению (Павел Владимирович) и бездушие по отношению к близким, включая собственных детей (Порфирий Владимирович). Салтыков-Щедрин безжалостен и к бывшим крепостным: Улитушка (бывшая любовница Порфирия) и Евпраксеюшка (мать его ребенка) научились у Головлевых вести «войну придинок, поддразниваний, мелких уколов» и принялись изводить друг друга и хозяев.

Между тем в книге есть персонаж, которого авторское презрение как будто миновало. Это трактирщик Иван Михайлович, рассказавший бурмистру Арины Головлевой Антону Васильеву о том, что полиция продала московский дом ее сына Степана. Рассвирепевшая («А почему он меня вовремя не предупредил?») Арина Петровна отдает приказ забрать Ивана Михайловича в рекруты, но неизвестно — по крайней мере в рамках романа, — был ли он в конечном счете исполнен. Мы знаем лишь, что «сердобольный трактирщик» довез Степана Владимыча до Головлева, «взявши для него место и уплачивая за его харчи в продолжение всей дороги», и расстался с героем и читателем на подъезде к усадьбе.

КАК НА ГЕРОЕВ РОМАНА ПОВЛИЯЛО КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И ЕГО ОТМЕНА?

Характер героев книги сформировала «школа крепостного права». Головлевы — в первую очередь мать семейства — привыкли властвовать, приказывать, приговаривать к наказаниям. Уже подготовка к крестьянской реформе распаляет изображение Арины Петровны: «То представится: ходит она по пустому дому, а людишки в людскую забрались и жрут!» Она осознаёт, что у ее тирании больше не будет юридических оснований: «Как ты им что-нибудь скажешь! теперь они вольные, на них, поди, и суда нет!» Кроме того, обнаруживается, что без помощи прислуги Головлева не сможет себя обеспечить: «Ведь мы какое воспитание-то

Манифест Александра II об отмене крепостного права. 1861 год

получили? Потанцевать да попеть да гостей принять — что я без поганок-то без своих делать буду? Ни я подать, ни принять, ни сготовить для себя — ничего ведь я, мой друг, не могу!» Когда после размолвки с Порфирием Арина Петровна селится в поместье своего сына Павла на правах приживалки, «не имеющей никакого голоса в хозяйственных распоряжениях», меняется сам ее облик: «Голова ее поникла, спина сгорбилась, глаза потухли, поступь сделалась вялою, порывистость движений пропала».

Салтыков-Щедрин уверен: крепостные отношения растлили не только господ. Рассказывая историю крестьянки Улитушки, которая стремилась выслужиться перед Головлевыми, писатель напирает на ее «холопское честолюбие»: «Всеми качествами полезной барской слуги обладала она в совершенстве: была ехидна, злоязычна и всегда готова на всякое предательство». А описывая Евпраксеюшку — экономку Порфирия, ставшую любовницей хозяина, — автор делает акцент на ее «неразвитой натуре» и «врожденной дряблости характера». Когда Евпраксеюшка поднимает бунт против Порфирия, отдавшего их сына Володеньку в воспитательный дом, Салтыков-Щедрин отмечает лишь «упорство тупоумия», стремление «досадить, изгадить жизнь». Протест героини сводится к тому, что она млеет «в чаду плотского вожделения», заглядываясь на конторщика Игната, кучера Архипушку и плотника Илюшу, — до тех пор, пока Порфирий это не пресекает.

ЧЕМ ГОЛОВЛЕВО ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПОМЕСТИЙ, КОТОРЫЕ ОПИСЫВАЛИ ДРУГИЕ КЛАССИКИ?

К моменту публикации «Головлевых» в русской литературе сложился канон описания поместий и усадеб. «Дворянские гнезда» у Тургенева «овеяны поэзией природы, высоких человеческих чувств, искусства». Гончаровская Обломовка — патриархальная идиллия, в которой размерность и неторопливость сочетаются с тщательной продуманностью внутреннего распорядка. Толстовские герои-дворяне (в первую очередь Левин) мечтают слиться с народной жизнью и трудятся вместе с крестьянами. Так или иначе, все эти имения — своего рода архетипический дом, воплощающий гармонию семейных отношений и, шире, быта.

Салтыков-Щедрин решительно порывает с этой традицией. Принадлежащие Арине Петровне и ее детям поместья — Головлево, Дубровино, Погорелка — описаны в исключительно мрачных тонах. Это касается как внешнего вида («Барская усадьба смотрела из-за деревьев так мирно, словно в ней не происходило ничего особенного; но на него ее вид произвел действие медузиной головы»), так и царящей внутри атмосферы (любовница Порфирия Владимировича Евпраксеюшка боится, что ее зарежут, и не может заснуть по ночам: «Изо всех углов шепоты ползут!»). Головлевы на всем экономят: нелюбимых детей здесь кормят кислым молоком и «протухлой солониной»; совсем другая диета у любимчиков: «Вот кабы ты повел себя скромненько да ладненько, ел бы ты и говядинку и телятинку,